

Хуа Буюй поставил коробку с едой и достал кашу, которая томила на медленном огне весь день. В последнее время стояла ясная погода, и османтус цвел пышно. В мягкой сладкой каше плавало несколько цветков, и аромат был освежающим. Кроме каши с османтусом, он приготовил засахаренные ягоды боярышника, нанизанные на бамбуковые палочки. Белые с красным, они выглядели привлекательно, сочетая в себе цвет, аромат и вкус.

— Тыфу, — Цзи Цаншэн, зная, что не сможет переубедить этого парня, отложил книгу и подошел к столу. Он наблюдал, как юноша разрезает ягоды боярышника, удаляет косточки, и только потом начал есть.

Хуа Буюй закончил с боярышником и уже собирался налить кашу, как его внимание привлекла изящная зеленая тень в углу его зрения.

Ложка в его руке дрогнула. Юноша медленно вдохнул и повернул голову, увидев простую нефритовую шпильку в волосах Цзи Цаншэна.

Цзи Цаншэн всегда плохо укладывал волосы. В прошлой жизни так было, и в этой тоже.

Его темные волосы были собраны в небрежный пучок, и нефритовая шпилька идеально подходила к его стройной фигуре, подчеркивая его изысканный и утонченный облик.

Ложка звонко ударилась о край чаши. Хуа Буюй почувствовал, как его внутренности перевернулись, а сердце было полностью захвачено этой шпилькой, не позволяя думать ни о чем другом.

— Тахуа?

Голос Цзи Цаншэна вернул Хуа Буюя к реальности. Пальцы юноши слегка дрогнули, и он снова ударил ложкой о край чаши. Он поспешно отвел взгляд, налив только половину чаши, и не посмел добавить ещё.

Не в силах справиться с дрожью в руках, Хуа Буюй изо всех сил постарался поставить чашу на стол, из-за чего его лицо также потеряло контроль.

— Тебе плохо? — Цзи Цаншэн редко видел его в таком состоянии. Он заметил, что лицо Хуа Буюя выглядело очень бледным, и хотел проверить его температуру, но юноша отшатнулся, как будто его обожгли.

— Н-нет, — Хуа Буюй с трудом сглатывал, дыхание стало тяжелым. Он опустил голову и отошел в сторону, начав читать в уме заклинание успокоения.

Цзи Цаншэн подумал, что он всё ещё расстроен из-за гадания, и мягко сказал:

— Это из-за сегодняшнего гадания?

Хуа Буюй хотел возразить, но не нашел подходящего оправдания, поэтому просто молчал.

Он услышал, как человек перед ним мягко и нежно успокаивает его:

— В последнее время небесные знамения необычны, поэтому гадания могут быть неточными. Кроме того...

Мягкие и длинные пальцы взяли его горячую руку. Их подушечки были сухими и прохладными, и, касаясь его ладони, они успокоили его внутреннее беспокойство:

— Твоя судьба в твоих руках, не верь этим гаданиям.

Хуа Буюй глубоко вдохнул, расширяя свои ноющие легкие, и, сжимая руку Цзи Цаншэна, кивнул:

— Я тоже не слишком переживаю.

Человек перед ним тихо усмехнулся. Он не сжимал руку слишком сильно, и она легко выскользнула из его ладони. Он слегка ущипнул Хуа Буюя за ухо:

— Ладно, садись и поешь.

— Ученик уже поел.

Хуа Буюй смотрел на другую руку Цзи Цаншэна, свисающую из широкого рукава, и почувствовал легкий зуд в кончиках пальцев. Он взял наполовину наполненную чашу, добавил ещё две ложки каши, поставил её на стол, взял чайник и заварил успокаивающий травяной чай.

Кипяток, попадая в чайник, создал облачко белого пара, которое несло в себе особый аромат трав, успокаивая раздраженные нервы.

Хуа Буюй убрал посуду, попрощался и направился к Пикку Тяньюань.

В эту ночь небо было ясным, и свет луны был настолько ярким, что звёзды не были видны. Среди гор и лесов белая фигура юноши казалась наполненной пугающей яростью. Его меч рассекал воздух, и ветер от ударов разрезал качающиеся бамбуковые стебли, листья сыпались вниз.

Его беспокойное сердце, как и лунный свет, изливалось наружу, а безымянный гнев в его душе горел ярко, и только бамбуковая роща страдала от его ударов.

В тот момент в сердце Хуа Буюя зародилась одна мысль, но он не хотел признавать её. Теперь то, что он не хотел признавать, было разорвано и выставлено перед ним, словно разрывая его сердце.

Ему было грустно, но он не мог понять, из-за чего именно. Слишком много причин, и, если задуматься, это могло бы раздавить его.

Он пытался избегать этих мыслей, но не мог перестать думать.

Эта шпилька была подарена ему. Он никогда не любил носить украшения, но эту шпильку он использовал.

Меч Умин в его руках почувствовал его гнев и начал слегка вибрировать, издавая низкий гул. Удары меча стали ещё более резкими.

Внезапно Хуа Буюй услышал звук чего-то ломающегося, словно гром среди ясного неба, прервавший его почти вышедшие из-под контроля мысли.

Хуа Буюй собрался с мыслями, вложил меч в ножны. Звук исходил от него самого.

После долгих поисков он нашел в своём мешке для хранения несколько осколков белого нефрита.

На тёплом нефрите уже не было тех странных красных нитей. Под лунным светом некогда мягкий камень теперь сверкал резким блеском.

Этот нефрит был обычным, но в него была вложена энергия Бай Гэ, поэтому он был тёплым зимой и прохладным летом. В последнее время погода стала немного холоднее, и белый камень был тёплым. Теперь, когда нефрит разбился, энергия рассеялась, и тепло постепенно уходило.

С Бай Гэ что-то случилось.

Хуа Буюй поспешно убрал меч и направился на Гору Бессмертного Сна, где встретил Чжэуа, который тоже шёл туда.

— Учитель! — Чжэуа прямо у двери крикнул. — Бай Гэ пропал.

В комнате зажглись огни, и Цзи Цаншэн, накинув на себя халат, позвал их войти.

— Сегодня наставник принёс новости от семьи Су, и, видимо, кузен Бай Гэ подслушал их. Бай Гэ должен был проверять документы новых учеников, но, когда я пришёл, там даже свет не горел, — Чжэуа выглядел взволнованным. — Он оставил только письмо, в котором написал, что пошёл забрать своего кузена.

Цзи Цаншэн нахмурился, только взяв письмо, как Хуа Буюй вытащил разбитый нефрит:

— Это нефрит, который подарил мне старший брат Бай Гэ, в него была вложена его энергия...

Лица остальных двоих сразу изменились. Все знали, что это означало.

— Учитель, я сейчас же сообщу двадцати двум высшим бессмертным...

— Не надо, — Цзи Цаншэн остановил Чжэуа. — Пока они решат, что делать, человек может уже пропасть.

— Но...

— Чжэуа.

Чжэуа сразу понял, что он имел в виду, и его голос стал громче:

— Учитель, нет!

Цзи Цаншэн покачал головой:

— Это не стоит шума. Тахуа, иди и скажи Юй Худе, чтобы он скрыл это. Чжэуа, Врата Тяньюань на несколько дней будут под твоим управлением.

— Но, учитель!

Цзи Цаншэн улыбнулся, успокаивая их:

— Это всего лишь остатки прошлого, они ничего не натворят, давно нужно было всё закончить. Вы присмотрите за Вратами Тяньюань и спокойно ждите моего возвращения.

— Учитель... — Чжэуа, видя, что не сможет переубедить его, в отчаянии дернул за рукав Хуа Буюя.

— Учитель, если вы идёте, возьмите и меня с собой, — попросил Хуа Буюй.

— Это мелочи, тебе не нужно. Ты оставайся на Пике Тяньюань и тренируйся, не позорь меня,
— Цзи Цаншэн прошел между ними, сменил одежду на черный халат и улетел на мече.

Сердце Хуа Буюя сжалось, словно невидимая рука схватила его. С момента своего возрождения он никогда не видел Цзи Цаншэна в такой тёмной одежде, как будто... как будто это был человек из прошлой жизни.

— Тахуа! — Чжэухуа ещё не успел опомниться, как Хуа Буюй тоже улетел, что заставило его в отчаянии топнуть ногой и поспешить к Юй Худе.

— Зачем ты за мной увязался, возвращайся обратно, — Цзи Цаншэн холодно отчитал его.

— Учитель...

Голос Хуа Буюя был обиженным, но твёрдым и непреклонным, словно он боялся что-то потерять. Он протянул руку и схватил запястье Цзи Цаншэна.

Тонкая кожа на запястье упиралась в его ладонь, и он легко обхватил его. Рука Хуа Буюя была большой, и он сжал её чуть сильнее.

Цзи Цаншэн раздражённо вздохнул, вырвал руку и полетел в ночную тьму.

Западный город, Городок Геккона.

Городок Геккона в Западном городе был известен как город, который никогда не спит. И, как следует из названия, даже ночью он был полон огней.

Игорные дома, дома терпимости, ночные песни, огни и цветы — казалось, что здесь никогда не бывает ночи. Смех, крики и ругательства наполняли каждое место.

У них не было пропусков в этот район, поэтому они приземлились в укромном месте и вошли в шумный рынок. В любом случае, здесь было много нелегалов, и проверки были не строгими.

Крики торговцев на улице не прекращались. Запахи вина, лекарств и пудры наполняли воздух. Люди шли группами по три-пять человек или парами, и не только мужчины с женщинами, но и мужчины с мужчинами. Они обнимались и смеялись, не обращая внимания на окружающих, их одежда была растрёпана, и они указывали на что-то, обсуждая с улыбками. Это было развратно и непристойно.

Чем больше хаоса в месте, тем больше грязи оно скрывает. Эта улица выглядела роскошно, но сколько людей здесь скрывали что-то тёмное?

<http://bllate.org/book/17680/1648307>